Советская культура
г. Москва
12 СЕН 1987

БИЛЕТ НА БОЛЬШОЙ

Зал неистовствал и своими аплодисментами требовал все нового и нового выхода артистов «на поклон». Это продолжалось бесконечно. Несколько американских рабочих сцены, ухватившись руками за складки занавеса, с усилием оттягивали тяжелое полотно, и в образовавшуюся щель проскальзывали к рампе «звезды» Большого. Потом что-то хрустнуло, и старший среди рабочих бросился грудью на щель, как на амбразуру, преградив артистам выход: какая-то штукатурка наверху угрожающе закачалась, сбившись со своих креплений.

Немудрено — от шквала аплодисментов, казалось, мог бы рухнуть и потолок со всеми своими люстрами.

ВОТ ТАК прозаически все закончилось. Зал постепенно затих, и закрылись лебедки, сворачивая декорации.

Артистам Большого не привыкать к аплодисментам, где бы ни проходили их выступления. И Америка, в которую театр приехал в десятый раз, не стала исключением. Но даже на фоне неизменного триумфа, сопутствовавшего всем спектаклям в Вашингтоне, Нью-Йорке и Сан-Франциско, то, что происходило в день окончания гастролей в Лос-Анджелесе, было потрясающим по искренности и единодушию зала.

Исполнители главных ролей в балете «Золотой век» Л. Семеняка, И. Мухамедов, Т. Голикова, А. Лазарев, все участники спектакля танцевали с таким накалом страстей и с такой расточительностью в действии, что зрители буквально стонали. И это не преувеличение. Сужу по себе и по лицам многих из тех, кто был за кулисами. Першило в горле, слезы стояли на глазах даже у видавших виды балерин и режиссеров.

А потом — красивые и нарядные, в элегантных платьях и костюмах — вместе с участниками последнего спектакля на поклон вышли все «звезды» Большого, педагоги-репетиторы во главе с Г. Улановой и М. Семеновой, дирижеры А. Копылов и А. Лавренюк, художественный руководитель труппы Ю. Григорович. Овация непрекращающимся валом накатывалась на сцену. Настала минута расставания, но всем хотелось продлить трепетный миг чудесного единения сцены и зала.

Занавес наконец закрылся, и мощное «ура!» эхом отдалось в колосниках сцены. Все обнимались и поздравляли друг друга с окончанием гастролей. А зрители продолжали требовательно вызывать Л. Семеняку, И. Мухамедова и их товарищей к рампе. Тогда-то и не выдержало что-то в конструкции занавеса.

Но выдержали люди. Работа на гастролях не сравнится с привычной домашней жизнью — даже что, как и в Москве, за два месяца было 8 выходных. Зато было 65 спектаклей, из них 13 дважды в день (представляете, что такое для труппы с перерывом в три часа станцевать такие балеты, как «Золотой век», «Раймонда» или «Жизель»?!), 13 генеральных репетиций на сцене, не считая ежегодных тренировочных классов.

Изо дня в день находясь рядом и ощущая этот невероятный рабочий ритм, полный физической и духовной самоотдачи, нельзя не преклониться перед преданностью артистов своему делу, перед их профессиональным высшей пробы. Но отчего Большой театр в стал Большим театром. Мы часто говорим сегодня о поднявшейся планке требовательности к личному и коллективному труду. Планка Большого на должной высоте. Я, может быть, это самый наглядный пример того, как труд превращается в искусство.

Американский зритель оценил эту самоотдачу с исчерпывающей принципиальностью. Все выступления проходили в больших, самых лучших залах, и можно подсчитать, что на спектаклях побывало почти четверть миллиона зрителей. Проблема достать билеты превратилась в наиболее жгучую. «Была сумасшедшая драка за билеты, официальная цена которых доходила до 75 долларов, а спекулятивная не имела предела»,— так написал об этом журнал «Пипл». А репортер «Сан-Франциско кроникл» провел целое исследование, расспрашивая разных людей у входа в театр, как они добыли билеты, и тревожнуюю уступить их за «сходную» цену. Один заколебался, когда ему предложили за билет 1.000 долларов, другой ответил, что не променяет Большой на на что на свете.

БЫЛ ЛИ УСПЕХ у гастролей? Странный вопрос, скажет читатель, прочитав предыдущее. А между тем, приехав в Москву из США, где находился с театром два месяца, все же услышал его. Деспать, правда ли ты писал в своих репортажах? «Голос Америки» несколько раз передавал совсем другое, ссылаясь на американскую печать и на свои собственные впечатления.

Ну что ж, еще раз перелистаем ворох рецензий.

«Для многих счастливых обладателей билетов эти гастроли Большого театра — соединение реальности с легендой, а может быть, даже более того»,— так написала сан-франциская газета.

«Вашингтон пост», живописуя финальную сцену «Раймонды», где в высокой поддержке балерина поднята партнером, восклицает: «Там она и останется у нас в памяти — величественно парящая, сверкающая вершина пирамиды академического балета, как он должно нас с прошлого века».

А «Ньюсдей» отметила: «Танцовщики Большого театра продолжают удивлять своим единством, силой, артистизмом и классической чистотой. Это одна из немногих групп, которой человек благодарен за то, что имел привилегию видеть ее. Трудно представить себе какую-нибудь западную труппу, которая могла бы сравниться с этой по точности исполнения мордобелета или по экстравагантности солистов».

И таких оценок в самых серьезных изданиях, принадлежащих перу ценящих свое имя и репутацию критиков, очень много. Но были и другие, я писал о них в своих репортажах на страницах «СК» по ходу гастролей. Да, гастроли имели громкообразный успех, но не стоит умалчивать, что некоторым критикам, изданиям, «кругам», как мы привыкли говорить, стоит триумф Большого как представителя нового советского искусства был словно кость поперек горла.

Сионистские организации — у каждой свое имя и программа — устраивали в каждом городе у входа в театры «демонстрации протеста». Достаточно уже было сказано, и не стоит повторяться, о провокации с сдвоенной в мусорный бак бомбой за два часа до открытия гастролей в Нью-Йорке. Очень многие организации использовали приезд Большого как повод для новых нападок на нашу страну, наш строй, наше искусство. Вот как объяснил свою позицию Д. Вансберг, исполнительный директор сионистской организации района Залива в Сан-Франциско: «Протест направлен не против самих танцовщиков, а против Большого, так как он представляет Советское правительство». Вот так — не больше и не меньше.

Такого же рода «протесты», напоминающие хождение по кругу у театра со злобными плакатами, встречались на страницах некоторых газет, и, внимательно прочитав все публикации, берусь утверждать, что круг позиций так называемых критиков был срежиссирован заранее, как и сверхзадача — принизить значение гастролей и их воздействие на зрителей.

А когда очевидное — невероятный успех у зрителей — скрыть невозможно, в ход идут такие перлы: «Нельзя сказать, чтобы эта отмеченная сексуальным берешью балетная труппа не доставляла зрителям удовольствие своим спектаклем». Но в чем же это удовольствие? Оказывается, «в любопытстве увидеть экзотический, герметический мир искусства, который называется русским балетом, странный дарвинский гибрид, выросший на далеком острове вдали от цивилизации танца». Танцовщицы,— простите, я цитирую,— «будь то девственницы или женщины свободного поведения, танцуют с подразумеваемой мстительностью». Танцовщики «обладают распутнической манерой поведения», а вообще все «так въедливо танцуют, что можно порвать, они вгрызаются острыми зубами в сырое мясо».

«Подразумеваемой мстительностью», пользуясь лексиконом автора, всех своих коллег превзошел М. Вернхаймер. Не могу судить реакции американских читателей (хотя многие любители балета, с кем приходилось говорить, возмущались, читая эту галиматью), но наши артисты хохотали у стендов с регулярно вывешиваемыми рецензиями. Действительно, как не захохочешь, наткнувшись на такое, например, утверждение: «Но опять-таки самым главным был не танец, а его исполнение». Как будто бы одно может существовать независимо от другого! А между тем стремление противопоставить содержание роли танцу тоже встречалось в статьях «болтунов» от искусства. Особенно когда затрагивались такие не устраивающие критиков темы, как восстание рабов в «Спартаке» или картины палей жизни в «Золотом веке». Так, еще один критик, Саша Анваат, иронизирует над содержанием «Золотого века», хотя признает, что это не мешает артистам быть убедительными. Интересно, как же можно убедить в том, чего не существует? Критика, однако, интересует совсем другое — «является ли балет частью пропаганды, которую пытаются засунуть в наши капиталистические глотки?»

Почему-то, когда речь заходит о пропаганде, не принимают исключительно нашей стране, тогда как американская пресса может дать вперед сто очков кому угодно. Мыслимо ли представить на страницах наших газет оскорбительные оценки по отношению к американским артистам, приезжающим на гастроли? Не приемлю такой публикации.

Конечно, те факты, которые я привел,— далеко не главные и не определяющие в американской прессе, но почему-то очень на душе налаживающиеся отношения между нашими странами и расширение культурных контактов. «Образ врага» продолжает витать над разгоряченными головами сторонников жесткого курса, и не все еще, наверное, забыли призыв рассматривать нашу страну как «империю зла».

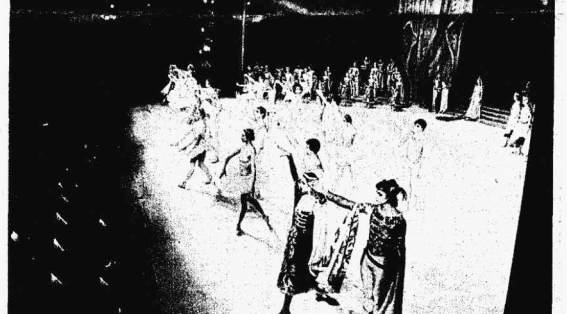
ЕЩЕ О ПРОПАГАНДЕ. В ряде изданий факт восьмидневного отсутствия Большого театра на американской земле приписывался тому обстоятельству, что в 1979 году в труппе оказались «невозвращенцы». Да, действительно, тогда из труппы сбежали две балерины В. и Л. Козловы, а также А. Годунов, как они говорили, «в поисках свободы творчества», но при чем здесь гастроли театра? За эти восемь лет он побывал в десятках заграничных поездок и в Америке ему было гораздо спокойнее с бывшими артистами труппы, а американской администрацией, являющей хорошее сверхзвание культурных обменов. Лишь в прошлом году контракты потихоньку стали снова набирать силу.

Имена бывших танцовщиков Большого тут же всплыли на поверхность, лишь только театр оказался на американской земле. Кто будет следующим — вопрошали некоторые газеты. Я бы даже сказал, не вопрошали, а подстрекали, как и журналисты на пресс-конференции, задававшие почти один и тот же вопрос: «Не планируется ли чей-то «уход» из труппы?» Это атмосфера нагнеталась по мере приближения гастролей к концу. Одна газета написала, что на сцене артистов охраняют пятнадцать сотрудников КГБ в «черных галошах», что их видит только в восторгах имеющий один выход, который контролируется.

И насчет сотрудников КГБ, и насчет «одного выхода» — абсолютная чушь. В отеле «Голливуд Рузвельт» — нашем последнем пристанище — их было не меньше шести. Артисты вы перед ней не держали отчет, ходили туда, куда хотели, приглашали, кого желали.

А вот насчет сотрудников секретных служб некоторая правда есть, но касается она ФБР и ЦРУ. Их и за сценой находилось во время спектакля с добрый десяток, в зале же и фойе просто сосчитать было невозможно, сколько планируют агентов с переговорными устройствами у пиджачного рта. Кого от кого они охраняют? Американцев от артистов Большого? Большой от американцев? Американцев от американцев? У нас к ним нет никаких претензий. В Вашингтоне мы даже подружились со многими, а в Сан-Франциско бравый сержант пустил слезу, когда мы уезжали. Бомбы не взорвались, инцидентов не было, дисциплинированная публика благополучно проникала в театр через детекторы и миноискатели. С просьбой к сотрудникам ФБР о «политическом убежище» никто не обратился.

Если бы вы слышали, какое громовое «ура!» раздалось в салоне ИЛ-86, когда его колеса коснулись дорожки Шереметьевского аэропорта! Вот бы это «ура!» услышать тем, кто задавал вопросы о «свободе творчества».



● *Лос-Анджелес. На последний «поклон».*

НЕСКОЛЬКО СЮЖЕТОВ ИЗ АМЕРИКАНСКОГО БЛОКНОТА

Теперь о том, наконец они оказались для бывших танцовщиков Большого. Козловы бьются за место под солнцем — в полном ответствии со своими творческими возможностями, но по отдельности, ибо разошлись, так же хоть один «плюс свободы» получен. Валентина наладилась своим бывшим однокласснициам, что забыла, что такое работа над ролью с педагогом — в американских театрах это не принято. Дают ей классические роли в балетах, благо за плечами школа Большого театра.

А вот такого танцовщика, как Годунов, больше не существует. Говорю об этом с горечью, потому что он был очень способным артистом и танцовщиком, которого она дала в Нью-Йорке, где вела уроки в балетной студии незадолго до приезда Большого. В этом интервью она в основном говорила с своим неприятелем Ю. Григоровичем и конфликте с ним. В отчет он, давая интервью американским журналистам, говорил, что ни с кем из артистов, танцующих у него сегодня в спектаклях, конфликта у него нет.

Странно в эпоху действительной гласности в нашей стране впервые узнавать, вернее, впервые читать об этом на страницах не наших, а американских газет.

Но самое странное, что узнал я в Нью-Йорке, так это то, что некоторые московские редакции просили прислать им отрицательные рецензии на выступления Большого. Не просто рецензии, а только те, где дается негативная оценка спектаклям. Именно таким было задание...

И когда потом наши артисты стояли у стендов с рецензиями (переводилось и выцеживалось абсолютно все) и читали восторженные отзывы на свои выступления, а также нечто похожее на то, что я привел в середине своих заметок, я стоял рядом и думал, что кому-то очень хочется, чтобы узнали не первое, а второе. Когда-то на театре родилась такая острота: «Артисту не так важно, чтобы похвалили его, как важно, чтобы поругали товарищи». Грустно и даже печально пускать об этой оборотная сторона жизни, типичная закулисная пыль. Неужели мало пространство сцены Большого, чтобы большим и разным талантам существовать рядом и творить вместе?

КОЛЕСА ИЛ-86 коснулись бетонной дорожки Шереметьева, раздались громовое «ура!». Победители возвращались домой, радостные и аплодировавшие. А потом они два часа ждали чемоданов, а их близкие за стеклянной стеной, замазанной на уровне головы белой краской, зато не замазанной на уровне ног, становились на колени, на корточки и пытались разглядеть своих чад, мужей, жен. Чемоданы все не приходили, и спокойные дежурные в ответ на недоуменные вопросы и справедливое негодование отвечали: «Ну и что? Техническая неполадка — подождете. И вообще — будьте спокойнее».

«Будьте спокойнее» — прекрасный призыв, когда все в нем соразмерно, но когда им прикрывают явное головотяпство...

Мне было грустно на замечательных артистов, за молодых людей, которыми мы можем гордиться, которых встретил не только на один руководитель Госконцерта или Министерства культуры СССР, но и даже ни один представитель этих уважаемых ведомств, которым, кстати, гастроли принесли немалый инвалютный доход.

Неужели же не заслужили «звезды» Большого, чтобы их встретили с цветами, с благодарностью, чтобы все увидели это вечером по телевизору, как видим мы, когда с победой домой возвращаются наши спортсмены?!

Нет, совсем не надо в таких случаях быть скромными.

Это тем более обидно, что коллектив, выказавший на трудные гастроли в США, показал пример безотказной, дружной, а часто просто самоотверженной работы, когда один за всех, а все — за одного...

Вот настроение, с которым вернулась балетная труппа. И хочется надеяться, что оно утвердится в творческой деятельности театра.

АЛ. АВДЕЕНКО.

(Спец. корр. «Советской культуры»).

ВАШИНГТОН — МОСКВА.